

IV. МОВА І СТЫЛЬ МАСТАЦКАЙ ЛІТАРАТУРЫ

УДК 811.161.1'366

Е.А. Болтовская (Могилев, Беларусь)

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Статья подготовлена при финансовой поддержке БРФФИ (проект Г13М-150 на тему: «Реализация эстетического потенциала морфологических средств в текстах белорусских и русских поэтов XX века»).

В статье идет речь о реализации эстетических возможностей категории числа имени существительного в поэтическом тексте. Выявляются типичные способы актуализации данной категории: экспрессивное употребление отдельных единиц числовой парадигмы как нарушение современных автору поэтического текста грамматических и стилистических норм; экспрессивное использование сочетаний и групп числовых граммем в поэтическом тексте, приводящее в некоторых случаях к созданию морфологической доминанты текста.

The article deals with the realization of the aesthetic features of the number category of the noun in a poetic text. Typical methods of actualization of this category (the expressive use of some forms of number paradigm as a contravention of the grammatical and stylistic norms of the poetic text which appropriate to author; expressive use of combinations and groups of number grammams in the poetic text, leading in some cases to the creation of morphological texts dominant) are identifies in the article.

Поэтический язык принято рассматривать как высшую ступень сформированного литературного языка, как сферу, в которой наиболее полно реализуются изобразительно-выразительные возможности национального языка и определяются пути его дальнейшего развития. И в наши дни актуальны выводы пращев, касающиеся зависимости процессов автоматизации и актуализации языковых средств от сферы их употребления: «В соответствии с положением о том, что поэтическое творчество стремится опереться на автономную ценность языкового знака, вытекает, что все стороны лингвистической системы, играющие в деятельности общения только подсобную роль, в поэтической деятельности приобретают уже самостоятельную значимость. Средства выражения, группируемые в этом аспекте, равно как и их взаимоотношения, стремящиеся в деятельности общения автоматизироваться, в поэтическом языке стремятся, наоборот, к актуализации» [3, с. 437]. В сознании поэта далеко не последнее место занимает прямая установка на форму высказывания.

И.Б. Голуб отмечает важнейшую роль имени существительного в составе морфологических ресурсов русского языка, что «обусловлено его семантичес-

кими свойствами, количественным преобладанием над другими частями речи и потенциальными изобразительно-выразительными возможностями. Существительные заключают в себе предметные значения, без которых невозможно выражение мысли, поэтому использование существительных является обязательным условием всякой речевой деятельности» [1, с. 213]. В различных функциональных стилях исследователь выявляет основные стилистические свойства категории числа существительных, два из которых активно задействованы в художественной речи: 1) употребление существительных в форме единственного числа в собирательном значении для указания на нерасчлененное множество предметов: *К нему и птица не летит, и тигр нейдёт* (А.С. Пушкин); *... Не много долголетней человек / Цветка...* (М.Ю. Лермонтов); *На площади цика умирае крок* (В. Короткевич); *... А любовью на зямлі не памрэ – / На зямлі і ў паэ-тавым слове* (Н. Гилевич); 2) употребление абстрактных существительных в форме множественного числа для подчеркивания интенсивности действия или силы проявления опредмеченного признака: *Приближений, сближений, сгораний / Не приемлет лазурная тишь...* (А. Блок); *Зима роскошествует. Нет конца / Ее великопьям и щедротам* (В. Инбер). При этом формы множественного числа признаются более экспрессивными вследствие нерегулярности их образования, так как в нормативной грамматике отвлеченные, вещественные и собирательные существительные, а также имена собственные, как правило, не имеют коррелятивных форм единственного и множественного числа.

Вслед за Е.А. Скоробогатовой, которая на обширном материале русской поэзии XIX – начала XXI вв. выявляет эстетический потенциал категории числа имени существительного, рассмотрим типичные случаи актуализации форм числа.

1. Экспрессивное использование отдельных единиц числовой парадигмы (нерегулярных, потенциальных, диалектных или архаических форм числа) как нарушение современных автору поэтического текста грамматических и стилистических норм: *Сплю. Вздрагивающих асфальтов вдоль / Копыта – как рупкоплексая* (М. Цветаева); *Не для ласковых слов я выковал дух, / Не для дружбы я боролся с судьбою* (А. Блок); *И быть раскрытыми навеки / Боялись кротости опеки* (В. Хлебников); *И огнедышащей беседы / Ты знаешь молнии и бреды* (Н. Гумилев); *... Глядели чахлые малины / В мое любимое окно...* (И. Северянин); *О, как пряно дыханье гвоздики / Мне когда-то приснившейся там, – / Это кружатся Эвридики, / Бык Европу везет по волнам* (А. Ахматова); *Идут белые снеги, / как по нитке скользя...* (Е. Евтушенко). Так, в идиолекте В. Маяковского одним из повторяющихся приемов создания художественной выразительности становится употребление нестандартных форм множественного числа для преувеличения тех или иных свойств предмета или явления: *В сто сорок солнц закат пылал...; Ваяясь мясами в пухе и вате...; Моих желаний разнуданной орде / Не хватит золота всех Калифорний; Земля, / встань / тыщами / в ризы зарев разодетых Лазарей* (В. Маяковский).

Если абстрактные и вещественные существительные *singularia tantum* довольно легко приобретают формы множественного числа, то собирательные в силу своей семантики (обозначать множество однородных предметов как целостную совокупность) – почти никогда, примеры единичны: *Всеми артиллериями громимая цитадель головы – / каждое мое четверостишие* (В. Маяковский); ...*С той же лампой-вплоть, – / Лампой ниществ, студенчеств, окраин* (М. Цветаева).

2. Экспрессивное использование сочетаний и групп числовых граммем в поэтическом тексте: *От всех обид, от всей земной обиды / Служить тебе глашом* (М. Цветаева); *Лезло на город громадное горе / И сотни маленьких горь* (В. Маяковский) – окказиональная форма множественного числа от абстрактного существительного *горе* служит выделению смысла «один – много»; *Пускай зовут. Забудь, поэт! / Вернись в красивые уюты! / Нет! Лучше сгинуть в стуже лютой! / Уюта – нет. Покоя – нет* (А. Блок) – нестандартная форма множественного числа отвлеченного существительного в данном примере образована, на наш взгляд, для рифмы со словоформой *лютый* (если бы поэт хотел актуализировать именно форму множественного числа, то избрал бы ее и для четвертого стиха катрена, где находится узуальная форма единственного числа, родительного падежа – *уютя*); *Так писем не ждут. / Так ждут письма* (М. Цветаева) – в данном примере соположением форм числа подчеркивается разница между неопределенностью (письма вообще) и определенностью (конкретное письмо). Оппозиция числовых форм способна оживлять метафору, выделяя элементы образности: *Горы времени – у горы!* (М. Цветаева); ...*Вперед, вперед, с сожженными губами – / Пока Обетованная земля / Большим горбам не встанет над горбами* (М. Цветаева) – прямое значение лексемы *горб* проявляется в форме множественного числа, а переносное, метафорическое, значение ‘возвышенность’ – в форме единственного числа.

Е.А. Скоробогатова отмечает, что «одна из форм падежно-числовой или числовой парадигмы может иметь интертекстуальное значение, ориентированное на прецедентный текст: *Слово было лишь в начале, / А потом слова одни... / Утоли мои печали / И со Словом породни* (Л. Миллер). В этом примере *Слово* восходит к библейскому Логосу, тогда как *словб* реализуют общезыковое значение лексемы *слово* в форме множественного числа» [2, с. 90].

Если в текстах встречается сочетание форм одного и того же существительного в единственном числе, именительном падеже и во множественном числе, родительном падеже (с предлогом *из* или без него), то актуализируется значение высшей степени выделения предмета из ряда ему подобных, образуется своеобразная превосходная степень сравнения существительного со значением ‘самый’, ‘наиболее характерный’: *час каждый – чудо из чудес, / легенда из легенд!* (В. Соснора); *И снова всё закончится концом, / Концом концов, восстанет в Песне Песней...* (В. Павлова); *З усіх навук адной науцы / Каб мы вучыліся з табой...* (Л. Дранько-Майсюк); *Цяпер знаю: / З усіх моў – / Найцяжэйшая мова людская* (М. Танк).

Соположение форм категории числа используется поэтами в различных конструкциях сравнения: *У тонкой проволоки над волной овсов / Сегодня голос – как тысяча голосов* (М. Цветаева); *О, Муза плача, прекраснейшая из муз!* (М. Цветаева); *Полноценно цедится минута. / На часах песочных. Этот сад / Всех садов и всех лесов дремучей...* (А. Ахматова) – по форме *дремучей* является компаративом с объектом в родительном падеже, но определительное местоимение *весь* со значением полноты охвата совокупности предметов, а также упоминание о той совокупности предметов, из которой выделяется отдельный предмет и его признак, придают сочетанию значение превосходной степени. Подобное выделение конкретных предметов из ряда возможных делает выражение оценки более экспрессивным.

Для идиолектов поэтов разных временных периодов, художественных направлений и школ характерно присутствие числовой грамматической доминанты, организованной с помощью приема концентрации (морфологической «аттракции», «сгущения») или сингулярными, или плюральными рядами существительных. Например, все существительные (18 лексем, 30 словоформ) в стихотворении «Женское “Нету”» З. Гиппиус употреблены в форме единственного числа для отображения мотива одиночества. По наблюдениям Е.А. Скоробогаевой, «плюральный ряд часто создает семантику общности, смыслового единства, в противоположность сингулярному ряду, который достаточно часто подчеркивает отдельность, разнородность перечисляемых предметов» [2, с. 107]: *Мимо ристаллиц, капиц, / мимо храмов и баров, / мимо шикарных кладбищ, / мимо больших базаров, / мира и горя мимо, / мимо Мекки и Рима, / синим солнцем палимы, / идут по земле пилигримы (И. Бродский); *Сердце, обросшее плотью, тухом, пером, крылом, / бьющееся с частотою дрожи...* (И. Бродский) – в данном примере сингулярный ряд является средством передачи состояния экзистенциального одиночества лирического героя; *Каб не баяцца хадзіць у лес, панастаўлялі аднавяскоўцы ў лесе ўсялякіх пастак: на ліса, на рысь, на ваўка, на дзіка, на мядзведзя...* (А. Рязанов) – форма единственного числа конкретных существительных употребляется в переносном собирательном значении. *І пачалі яшчэ горай людзі баяцца лесу: / там водзяцца рысі, / там водзяцца лісы, / мядзведзі, / ваўкі / і – пасткі.* В однородном ряду одушевленных существительных словоформа *пасткі* (капканы) персонифицируется. Используемый в начале текста сингулярный ряд для перечисления обитателей леса заменен в конце на плюральный, чтобы показать всеохватность страха людей перед многоликой неизвестностью. Таким образом, противопоставление форм числа способствует реализации поэтических смыслов.*

Благодаря числовой оппозиции может проявляться композиционно-смысловая гармония текста. Например, первая строфа двухстрофного стихотворения Г. Иванова «То, о чем искусство лжет...» организована с помощью форм единственного числа, в ней говорится о самом важном и значимом для лирического героя: *То, что сердце бережет, – / Вечный свет, вода живая, – а во*

второй строфе, созданной с помощью плюральных форм, перечисляются «пустяки»: *Суетятся человечки, / Умники и дураки* (Г. Иванов). На противопоставлении числовых граммем построено стихотворение М. Танка: *Ні сарваная з дрэва лістота, / Ні пакошаная мурава, / Ні прыбітая градам жарства, / Ні спавітае неба маркотай / І ні вышчарбленая падкова –// Так не трацяць жыцця характва, / Як, расстаяшыся з праўдаю, словы.* Только последняя лексема намеренно употреблена в форме множественного числа для более резкого контраста с предыдущими формами единственного числа и создания образа лживых, бессодержательных, мало значащих слов. Числовая оппозиция даже может становиться предметом поэтической рефлексии, ярким примером этого служит стихотворение Б. Заходера «Из русской грамматики»: *Несчастий много / На моей земле, / А счастье –/ Лишь в единственном числе...* (Б. Заходер).

Итак, основными способами реализации выразительного потенциала категории числа имени существительного в поэтическом тексте являются экспрессивное употребление отдельных единиц числовой парадигмы как нарушение современных автору поэтического текста грамматических и стилистических норм и экспрессивное использование сочетаний и групп числовых граммем в поэтическом тексте, приводящее в случаях концентрации форм одного и того же числа к созданию морфологической доминанты текста.

Список литературы

1. Голуб, И.Б. *Стилистика русского языка* / И.Б. Голуб. – 10-е изд. – Москва : Айрис-пресс, 2008. – 448 с.
2. Скоробогатова, Е.А. *Грамматические значения и поэтические смыслы : поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени) : монография* / Е.А. Скоробогатова. – Харьков : НТМТ, 2012. – 480 с.
3. Тезисы Пражского лингвистического кружка // *Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX веков* / сост. В.А. Звегинцев. – Москва : Государственное учебно-педагогическое изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1956. – 458 с. – С. 427–443.